

«Блеск и нищета» концепций неопределенности

Концовка 2017 г. выдалась особенно насыщенной встречами, обсуждениями, конференциями, в том числе столь значимыми, как [посвященная 30-летию Института Европы РАН, Веронский юбилейный Евразийский экономический форум](#), ежегодная [Лондонская конференция](#) Королевского института международных отношений, [IV Юридический форум БРИКС](#) (состоявшийся на этот раз в Москве) или VII традиционный [Конгресс сравнительного правоведения](#), в которых мы принимали участие либо в качестве ведущих, либо основных докладчиков. И везде своеобразным рефреном к любому докладу или комментарию звучало утверждение о том, что в мире воцарилась неопределенность. Она господствует повсюду: в мировой политике и экономике, во внешней и внутренней политике отдельных государств, в вотируемых правовых установлениях.

Статья подготовлена одновременно для «Всея Европы» и Российского совета по международным делам.

Читайте также версии на английском и французском:

[Concepts of Uncertainty and the Collision with Reality](#)

[« Splendeurs et misères » des concepts de l'incertitude](#)

Однако когда все в один голос вторят друг другу о «неопределенности» и говорят об этом как о чем-то само собой разумеющемся, в голову невольно закрадываются сомнения. Позвольте, зачем ударяться в такую крайность? То, что ведущие политики и эксперты ошиблись в своих прогнозах и предположениях, неверно оценили последствия того или иного явления или события, какого-то внутривнутриполитического решения или внешнеполитического шага, получили результат, противоположный ожидаемому, вовсе не означает, что ситуация с пониманием окружающей нас политической, социально-экономической и правовой реальности такая уж беспросветная.

К тому же в условиях тотальной неопределенности стало бы невозможно проведение сколько-либо целостной политики, стратегического экономического планирования. То, что они уверенно осуществляются на государственном уровне и большим бизнесом, свидетельствует о том, что фактор неопределенности явно не способен спутать все карты. Он вполне поддается учету.

Тогда что, преувеличение масштабов неопределенности является вполне продуманным и намеренным шагом и служит каким-то определенным целям? Если так, то каким? Чтобы разобраться, давайте вместе посмотрим, какие примеры приводятся в оправдание вывода о нарастающей неопределенности, действительно ли непредсказуемыми были те или иные события недавнего прошлого и на каких закономерностях мирового развития по-прежнему имеет смысл настаивать, на какие из них можно полагаться.

Неожиданные повороты в развитии США и других стран

Упреки в непредсказуемости и неопределенности вошли в обиход уже относительно давно. Западные политики и эксперты привычно адресовали их Кремлю, характеризуя таким образом воссоединение Крыма с Россией и восстание на Юго-Востоке Украины в ответ на государственный переворот в Киеве. Чуть позже – операцию Воздушно-космических сил в Сирии, заставшую врасплох и страны НАТО, и внутрирегиональные державы.

Уже целое десятилетие, если не больше, жесткую посадку и другие неурядицы предсказывают китайской экономике и с недоумением констатируют, что они никак не наступают. Полной неожиданностью для всех стали сначала «арабская весна», а затем трагические последствия, которые она вызвала, включая дестабилизацию Большого Ближнего Востока по всему азимуту.

До этого непредвиденными провозглашались реакция Москвы на попытку режима Михаила Саакашвили силой вернуть Грузии отколовшуюся от нее по объективным причинам Южную Осетию и последовавшую за этим Пятидневную войну, да и вообще внешнеполитический курс Кремля после Мюнхенской речи 2007 г. На что российская сторона неизменно выделяла в качестве непредсказуемых силовые акции США и НАТО и прежде всего нападение на Сербию и бомбардировки мирного Белграда, вынудившие премьер-министра Евгения Примакова, направлявшегося в тот момент с визитом в Вашингтон, развернуть свой самолет над Атлантикой, вернуться домой и разорвать в знак протеста все связи с агрессивным Североатлантическим альянсом.

Но по-настоящему, в качестве глобального феномена, эпоха неопределенности, провозглашаемая концепциями, возводящими ее в абсолют, в соответствии с ними же, берет начало с победы на президентских выборах в Соединенных Штатах Дональда Трампа. Как считали гуру профессионального предвидения, аналитические, исследовательские, консалтинговые и прочие центры, у него не было ни малейшего шанса. Против него были все – истеблишмент, кокус выдвинувшей его родной Республиканской партии, большинство населения. И тем не менее он воцарился в Белом доме. К всеобщему «ужасу и недоумению», как образно пишут французы, подтрунивая над собой и американцами даже год спустя. [1] Неожиданно, судя по проблемам с формированием кабинета и заполнением всех открывшихся вакансий в аппарате президентской администрации, даже для самого Дональда Трампа. [2] Подобного развития событий не ждали ни в столицах стран Евросоюза, ни в Киеве, ни на Ближнем Востоке, ни в Юго-Восточной Азии. Все, кроме Москвы, делали ставку на то, что по окончании выборов будут иметь дело с Хилари Клинтон.

Полной сюрпризов для партнеров США оказались и первые, наиболее яркие и знаковые внешнеполитические инициативы нового, нетипичного и неординарного президента, а не только его манера общаться и доводить свои решения до окружающих. Среди них – выдвижение бескомпромиссных требований к союзникам «платить» за ядерный зонтик и заботу об их безопасности, выход из согласованного с таким трудом Бараком Обамой Договора о Транстихоокеанском партнерстве, отзыв подписи под Парижским соглашением ООН по климату, анонсированный перенос посольства из Тель-Авива в Иерусалим и многое другое. [3, 4] Не меньшим – яростная конфронтация внутри американского истеблишмента, которую еще

недавно невозможно было себе даже представить, уже после президентских выборов, и переход ряда полномочий, традиционно признаваемых за администрацией президента, в руки Конгресса. Это, кстати, дало повод некоторым политикам даже заявить о том, что в США «произошел ползучий госпереворот» и фактически поменялась форма правления: из полупрезидентской страна превратилась в «де-факто парламентскую республику». [5]

Не меньший, пусть и гораздо более локальный удар по способности политического и экспертного сообщества что-то предвидеть нанесли итоги референдума в Великобритании по вопросу о членстве в Евросоюзе, как и само его проведение. Чтобы рациональные жители Туманного Альбиона, наплевав на здравый смысл, который был у них в крови, лишили сами себя всех преимуществ членства в интеграционном объединении – такого никто, будучи в ясном уме и твердой памяти, себе представить не мог. Даже в жутком сне. Тем не менее «Брекзит» стал реальностью, и Лондон начал по поводу этого заведомо проигрышные переговоры с Брюсселем, которые он ни при каких обстоятельствах не в состоянии выиграть.

Далее последовали один за другим удивительный политический эксперимент с выдвижением на первые роли во Франции Эммануэля Макрона и по-быстрому созданного им всеядного центристского движения «Вперед, Республика», закончившийся практическим крахом традиционной партийной системы страны; завоевание премьером Японии Синдзо Абэ ничем не оправданного сокрушительного большинства в парламенте, дающего ему карт-бланш на проведение в перспективе, когда он создаст для этого дополнительные предпосылки, любого внутри- и внешнеполитического курса, в том числе и направленного на отказ от остатков пацифизма, закрепленного в конституции страны. [6, 7, 8, 9] Превращение Германии из оплота и надежды ЕС, островка уверенности, определенности и стабильности в Европе в политическое болото, на котором не произрастает недопустимо длительное время для уважающей себя демократии ни одна устойчивая правящая коалиция. [10] Наконец, фантасмагория с независимостью Каталонии, способная погрузить ставшую было вновь вполне успешной Испанию в политический и экономический хаос, а за ней и весь Евросоюз. [11] Ведь для сторонников независимости чем хуже, тем лучше. [12]

К этому добавьте для полноты картины «Дамоклов меч», занесенный администрацией Трампа над мировой экономикой громкими заявлениями о том, что Штаты отныне будут преследовать в мировой торговле исключительно собственные интересы, не заботясь о других, и не менее хлесткими протекционистскими мерами, которые номинально первая экономика мира решила возвести в систему. [13] Ползучий развал режимов нераспространения ядерного оружия, сдерживание гонки вооружений и всех форматов разоруженческих переговоров. Триумфальное возвращение на международную арену политики сдерживания времен холодной войны, только на этот раз якобы несистемных России и Китая, моментально выродившейся в «игру без правил». Введение так называемых ограничительных мер, волюнтаристски именуемых санкциями, по любому поводу и без повода, в отношении чуть ли не всех, поставившее мир на грань «войны всех против всех». Неспособность мировых и региональных держав выстроить единый фронт борьбы с международным терроризмом, дающая ему редчайшую возможность мигрировать по всей планете, пускать все более глубокие корни, создавать все более обширные цитадели и укрепляться теперь уже не только на Ближнем Востоке, но и повсюду в Африке, Азии и даже Европе и трансформироваться для многих стран из внешней также и во внутреннюю угрозу. [14, 15] Разворот тренда от ускоренного роста части быстро

поднимающихся экономик и накопления народной поддержки утвердившихся в них политических режимов, будь то в России, Турции, ЮАР, Бразилии, Саудовской Аравии или где-то еще, к утрате экономической динамики, политической нестабильности и/или эксцессам. Нарастающие неспособность и нежелание государств добросовестно следовать, казалось бы, общепринятым нормам международного права и углубляющееся расхождение между ними по поводу их толкования и применения. Все больший отрыв мессианских, идеалистических представлений о демократии, господстве права и приоритете уважения прав человека от жестокой практической реальности и продолжающееся сокращение пространства гражданского общества (о чем с особой тревогой говорили на Лондонской конференции).

Если все эти тенденции и явления действительно неожиданные, непредсказуемые и неизвестно откуда взявшиеся, то все в прошлом – авторитетные, а ныне дискредитировавшие себя научные и исследовательские центры, а заодно и службы выявления общественного мнения, необходимо срочно закрывать и уповать лишь на волю Всевышнего, поскольку жить в таких условиях, что-то делать, планировать, предугадывать совершенно невозможно. Предпринимать заведомо неэффективные, взаимно нивелирующие друг друга меры, разрабатываемые наобум и осуществляемые вслепую, бессмысленно, контрпродуктивно и себе в убыток. И в будущем будет только хуже...

Однако если взглянуть на этот страшный, вызывающий оторопь список, восторженно тиражируемый не только падкими до сенсаций мировыми СМИ, но и научными центрами, не с позиций усиленно насаждаемой концепции всепроникающей неопределенности, а под несколько иным ракурсом, получаемая таким образом картина начнет играть совершенно иными красками. Принципиально иными.

Суверенизация населения

Мировое политическое и экспертное сообщество откровенно проворонили тектонические сдвиги в настроениях электората, своего рода смену психотипа значительной части современного гражданского общества. Длительное время, после революционных событий 1968 года и спустя поколение после падения Берлинской стены, население предпочитало не лезть в настоящую политику, довольствуясь тем жалким выбором, который ему предлагался, и теми правилами игры, которые элиты за него утвердили, и в целом теми крохами с барского стола, к которым его допускали. Это время прошло.

Народам Соединенных Штатов, Великобритании, Франции, Германии и других стран элементарно надоело, что его держат за «быдло». Потчуют сказочками и откровенным враньем, даже не утруждая себя больше тем, чтобы придавать им хоть малейшую видимость достоверности. Проводят политику, на которую люди не подписывались. Которая им чужда. Которая воспринимается ими как предательство. Прикрываясь именем народа, творят все, что им вздумается. Наживаются за счет народа. Откровенно. Подло. Беззастенчиво. А как что, спихивают на него все тяготы кризисов, войн, допущенных ошибок и вопиющего разгильдяйства. Безответный и бессловесный народ, загнанный в прокрустово ложе набившей оскомину политкорректности. Когда грязное и грязноватое именуют белоснежно-белым и девственным. То, во что прежде верили, называют ненужным, непригодным, устаревшим и «не

комильфо». Под предлогом того, что все разные и надо уважать все, в том числе, то, с чем он не согласен и что ему чуждо, лишают народ того, во что он верит, того, чем он дорожит и с чем ни за что не хотел бы расставаться.

В том, что все обстоит именно так, его убедила целая вереница событий, вроде бы разных и в то же время одинаково бьющих по его интересам. И глобальный кризис, свалившийся на всех как снег на голову. И политика жесткой экономии, оставившая ограбленными, обобранными и обездоленными миллионы людей. И миграционный кризис, заставивший людей наконец-то заявить о своем несогласии с тем, что творится вокруг. И прогремевшие тут и там террористические взрывы и автоматные очереди, сделавшие явным то, что так долго скрывалось – даже со своими святыми базовыми обязанностями по обеспечению безопасности насквозь прогнившие власти не в состоянии справиться.

Народ, у которого возникло «ощущение, что про него забыли», захотел правды. [16] Откровенного разговора. Понятных лозунгов, которые он разделяет. Обещаний, которые выполняются политиками, а не произносятся лишь для отвода глаз – чтобы всех надуть и занять высокое кресло. Политики, за которую не стыдно, за которую они голосуют, и которая их устраивает, а не «кордебалета», продемонстрированного президентом Франции Франсуа Олландом и французскими социалистами, умудрившимися развернуть корабль внутренней политики страны, не меняя риторики, на 180 градусов – слева направо. Лидеров, которые бы общались с ними на равных и принимали решения, опираясь на их мнение, а не за их спиной, как попытался действовать политический класс Великобритании, оказавшийся в результате с ворохом непреодолимых проблем на руках.

И такие лидеры нашлись: Дональд Трамп – в США и Эммануэль Макрон – во Франции, несколько менее видные политики, но только из-за более низкого глобального рейтинга их стран – в Швейцарии, Австрии, Венгрии и далее по списку. [17] Намного более убедительный результат могла бы показать бывший председатель «Национального фронта» Марин Ле Пен, если бы, по ее собственному, хотя и запоздалому, признанию, она в последний момент не изменила сама себе и поверившему в нее простому люду, аналогично и с рядом других харизматичных политиков. Стоило Джереми Корбину заговорить с народом не книжным, а доходчивым и нравящимся ему языком, как лейбористы (и молодежь) моментально отыграли у консерваторов проигранные ими ранее очки и лишили их мест на досрочных выборах 2017 года, проведенных Терезой Мэй настолько слабо, что остается только удивляться их абсолютному большинству в Палате общин.

Так что победа Дональда Трампа в США, Эммануэля Макрона во Франции, сторонников выхода из ЕС в Великобритании, крайне правых и националистов в Швейцарии, Австрии и т. д. – далеко не случайность, а проявление тех глубинных изменений, которые произошли в американском и европейском обществе за последнее десятилетие. [18] Столь же закономерен и разгром классических политических партий во Франции, и катастрофическое ослабление поддержки, оказываемой Ангеле Меркель, христианским демократам и социал-демократам на выборах сентября 2017 года в Бундестаг. (Хотя с экономикой Германии все в порядке, она на подъеме, в стране экономический бум). [19] Они поплатились, в том числе, за то, что пошли на выборы со старой повесткой, проигнорировали настроения молодежи, не сумели оседлать или хотя бы дать себе труд понять мотивировку поднявшейся протестной волны, оказались

неспособными предъявить электорату свежие лица, новых политиков, за которыми можно было бы пойти, которые бы импонировали и вызвали доверие.

Те, кто приводят в подтверждение вывода о всепроникающей неопределенности казусы с Дональдом Трампом, Эммануэлем Макроном, политическим кризисом в Германии, Каталонским тупиком и т. д., упускают из виду еще несколько исторических закономерностей. Повсюду в Америке и Европе произошла смена поколений. Что такое смена поколений для политики и общества, показали события 1968 года и падение Берлинской стены спустя два десятилетия. Социализация нового поколения всегда влечет за собой крутые изменения. Тем более такого, как сейчас: живущего в соцсетях, обогащенного опытом больших групп, имеющего неограниченный доступ к любой информации, остро воспринимающего несправедливость политического устройства своих стран и мира в целом, которое не дает ему возможность эффективно отстаивать свои интересы и чаяния и сразу же быть достойно представленным на политическом небосклоне. [20] Только политики и политические силы, делающие ставку на реформы, прогресс, инновации и изменения, способны их удовлетворить.

Другая максима, которую западные элиты сильно подзабыли - демократия не терпит закостенелости. Имобилизм для нее смертелен. За демократию надо неустанно бороться, открывая ее для себя и для электората вновь и вновь. А демократия в исполнении США и стран Евросоюза сильно потускнела. Насколько она нынче неприглядна, продемонстрировали бесконечные войны и авантюры Запада на Большом Ближнем Востоке, а сейчас к тому же и в Европе, кризис евро и беспросветно топорная политика жесткой экономии, наконец, миграционный кризис и разгул терроризма. Но дело даже не в этом. Только многолетняя привычка, умело срежиссированное переключение внимания на другое и категоричные табу на запрещенные сюжеты не дают населению увидеть, во что она выродилась. Никакой ротации власти - сердцевины демократии - давно уже нет. Она передается от одного клана другому в рамках одной и той же элиты. Президентские и парламентские выборы влияют лишь на второстепенные моменты. Они ведут лишь к частичной смене лиц, к появлению вроде бы новых людей во власти или возвращению старых, а не к изменению политики. Левые и правые давно уже не являются ни теми, ни другими. Смысл их отнесения к тому или иному сегменту политического спектра давно утрачен. О том, насколько они всеядны и по большому счету похожи друг на друга, свидетельствуют большие правительственные коалиции (в Бундестаге, Европарламенте и т. д.), в которые, презрев свои программы и наказ избирателей, объединяются, казалось бы, противоположные политические силы.

Поэтому восстание против политических и партийных элит в США, Франции, Великобритании, Германии, Испании, избрание Дональда Трампа и Эммануэля Макрона, голосование за выход из ЕС и относительное поражение Ангелы Меркель являются в какой-то степени возвращением к утраченной было демократии и ротации власти или, по крайней мере, мимикрией под них. А раскол политических элит в США и война, объявленная там действующему президенту, майоризация классических политических партий во Франции, потери, вызванные выходом из ЕС, от которых долго еще будет страдать Великобритания, и неспособность сформировать в разумные сроки устойчивую правящую коалицию в Германии - платой за имобилизм, приверженность прошлому и стремление действовать в абсолютно новых условиях прежними методами. [21]

Безвыходное положение

На первый взгляд это может показаться парадоксальным, но США, Россию, ЕС и Китай делает похожими друг на друга вовсе не то, что все они претендуют (иногда заслуженно) на роль великих держав и центров силы современного мира, а то, что все они находятся в одинаково безвыходном положении. У них фактически нет выбора. И сейчас, и в будущем они вынуждены будут делать то, что и пытаются делать. Иначе они утратят историческую инициативу, а вслед за ней и статус, а, может быть, и управляемость. Никто пока не в состоянии выдумать за них что-то другое и/или предложить альтернативу.

Соединенные Штаты по целой гамме параметров начали утрачивать былое безусловное мировое лидерство, с чем они ни при каких обстоятельствах не готовы согласиться. США накопили колоссальную военную мощь и военное превосходство. Они обходятся стране в копейку. Только за рубежом, по американским данным, США держат на настоящий момент 240 тыс. военнослужащих в 172 странах. [22] Однако реализовать их к своей выгоде они не в состоянии. Кровавые дорогостоящие интервенции под их эгидой или с их участием в Афганистане, Ираке, Ливии, да фактически и в Сирии им ничего позитивного не дали. Как снять ядерную угрозу со стороны России они не знают. Приструнить Иран не в силах. Заставить ЕС и многих других строго следовать в кильватере у них не получается. Даже «какую-то» Северную Корею заставить подчиниться себе не могут. [23] Все предпринимаемые резкие движения лишь усугубляют положение.

Формально США остаются первой экономикой мира. Они самые богатые. Самые свободные. Самые преуспевающие. С огромнейшим внутренним рынком, алчущим товаров и услуг. Известнейшими в мире брендами. Самыми большими личными состояниями. [24] Безграничным потенциалом. Предрасположенностью к осуществлению технологических революций, как только что с взрывным увеличением добычи сланцевой нефти и газа. [25] Однако шаг за шагом они сдают позиции. И по доле в мировом ВВП, и по состоянию инфраструктуры и удовлетворенностью жизнью (нигде в мире смертность от передозировки наркотиков не растет с такой скоростью), и по качеству человеческого капитала. На тех рыночных площадках, которые длительное время оставались за ними, толпятся уже десятки производителей. Если прежние тенденции сохранятся, не только Китай уйдет далеко в отрыв, но и разрыв США со многими другими державами серьезно сократится. Со всеми вытекающими отсюда геополитическими последствиями.

Вся мировая финансовая система держится на американском долларе. Американские долговые обязательства для всего мира, даже для российских ЦБ и Минфина, служат «тихой гаванью». В руках у США такое фантастическое средство мирового господства, как печатный станок. Однако у всего есть оборотная сторона. США живут не по средствам, за счет всего остального мира, который их «спонсирует». Отказаться от привычного образа жизни они не хотят. Да и не считают нужным. Соответственно, живут в долг. Это только суверенный долг измеряется безумной цифрой в 20 трлн долларов – если приплюсовать долги частного капитала, домохозяйств и местных властей, сумма подскочит до 60 триллионов. Это пока ФРС все последние годы держал процентную ставку почти на нуле, обслуживать долги, чему так радовался нобелевский лауреат по экономике Пол Кругман, ничего не стоило. По мере роста

процентной ставки ситуация начнет стремительно ухудшаться. А пенсионную систему в стране развалили – частным компаниям дали возможность уходить от ответственности за ее содержание, личными же накоплениями в достаточных объемах никто не озаботился. Напечатанные за последние годы триллионы долларов растворились в стоимости акций вместо того, чтобы уйти в реальный сектор экономики. В результате от любого толчка сильно переоцененный рынок может войти в состояние длительной коррекции, которая повлечет за собой эффект домино и такой масштабный крах банков, других финансовых и нефинансовых корпораций, по сравнению с которым первый глобальный кризис покажется «детским утренником».

Поэтому смена политического курса в США давно назрела и перезрела. Кто-то обязательно должен был заняться наведением порядка и возвращением Америке утрачиваемых и утраченных высот в области материального производства и предоставления услуг и пойти на отказ от прежней расточительности в мировых делах. Этим кем-то оказался Дональд Трамп. [26] Других просто не было. Не принимать же всерьез Хилари Клинтон – не стоит даже объяснять, почему. Его политика «Америка прежде всего» – не словоблудие, фантазии, болезненное самолюбие, а суровая необходимость. Соединенные Штаты сами себя загнали в угол и теперь вынуждены из него выбираться. Естественно, за счет других. Что этим другим, столь же естественно, не нравится. Сваливать же все на экстравагантность Дональда Трампа или его непредсказуемость – обыкновенная дешевка, как сказали бы в мире шоу-бизнеса. Или профессиональная непригодность.

Китай втягивает в себя непропорционально большую долю мировых капиталовложений и, благодаря заниженности курса юаня и демпингу, хозяйничает на внутреннем рынке США и других рынках, где хотели бы заправлять всем американцы. Значит, надо перенаправить финансовые потоки и поменять правила свободной торговли или правоприменение, работающие в пользу Пекина, а заодно и снять обременения, которые международные договоры повесили или собираются повесить на американские корпорации и усложнить доступ к новейшим технологическим разработкам и приобретению высокотехнологичных компаний. [27, 28] Германия имеет в торговле с США многомиллиардное положительное сальдо вовсе не потому только, что немецкие товары лучше, надежнее и отличаются более высоким качеством, а за счет того, что евро намного «легче», нежели была бы немецкая марка, не создай Бонн/Берлин в свое время Экономический и валютный союз и Еврогруппу на чрезвычайно выгодных для себя условиях, и которые они ни за что не собираются корректировать (несмотря на многолетние настойчивые призывы Средиземноморских членов ЕС и советы сведущих, прежде всего, американских экономистов). [29] Значит, надо заставить Германию и ЕС придерживаться «честных», читай, выгодных Соединенным Штатам правил игры, а не псевдосвободой торговли. Союзники по НАТО «жируют» и благоденствуют, присосавшись к американской военной мощи, ничего не давая взамен, не неся никакого экономического или финансового бремени, никак не компенсируя американские затраты, да еще позволяя себе любые фортели. Значит, их следует принудить платить, вносить вклад в общие усилия, пропорциональный американскому, и слепо придерживаться общего курса, «с песнями и танцами» (напоминает популярный во времена СССР анекдот про кошку и горчицу). Россия продолжает с огромным трудом поддерживать ядерный паритет и, единственная в мире, угрожать Соединенным Штатам уничтожением. Значит, не надо ничего другого – только еще больше обескровить российскую экономику, снять все разоруженческие ограничения,

переоснастить свои вооруженные силы техникой следующего поколения и наштамповать на каждый российский носитель ядерного оружия по две, четыре, десять, двадцать противоракет. [30]

И в чем тут неопределенность? Или непредсказуемость? Что тут неясного? Какой смысл возмущаться, строить из себя невинность и утверждать, будто бы США могли бы проводить какой-то иной, более ангельский, мягкий, щадящий курс, исповедуя разорительную для себя политику всепрощения и многосторонности? Поэтому переналаживать торговые связи индивидуально с каждым торговым партнером они будут жестко и бескомпромиссно. Санкции с России ни в коем случае не снимут - в этом плане сложился двухпартийный консенсус, который ничего не изменит, если только Москва не нащупает какую-то беспроегрешную контригру. От договора о РСМД обязательно откажутся, поскольку это необходимо вовсе не для того, чтобы антагонизировать Кремль, а для того, чтобы эффективно сдерживать растущую военную мощь Китая, и т. д., и т. п. Как вполне убедительно доказывает один из наиболее известных российских политологов Сергей Караганов, подводя итоги 2017 года и уходящей эпохи в целом, они будут делать все возможное, «чтобы не допустить дальнейшего ослабления своих позиций, а по возможности и отыграть их». [31]

Конечно, можно сколько угодно купать высшее должностное лицо страны в грязи, подводя итог уходящему году, и утверждать с данными соцопросов в руках, будто бы «народ отвергает» проводимую им политику. [32, 33] Злорадствовать по поводу того, что Дональда Трампа и республиканцев на промежуточных выборах в конце года «ждет Березина». Издеваться над «непутевым», «безалаберным», «ничего не понимающим», «высокомерным» Президентом США, которого «повозят мордой об стол» при утверждении бюджета, принятии нового законодательства об иммиграции, особенно в отношении легализации выходцев из Мексики и выделения денег на строительство «стены», дальнейшей реформе страховой медицины, доставшейся от Барака Обамы, которая вызывает якобы тотальное неприятие, как об этом с издевкой пишут авторы и редакторы ВВС. [34] Но ведь это все текущие моменты. Дональд Трамп сумел сделать главное, системообразующее, обещанное своему бизнесу, ломающее под Штаты мировую экономику - провел принципиально новое, революционное налоговое законодательство: сбросил вдвое корпоративный налог и установил компенсационные платежи за доступ на американский рынок. Практики, которые знают, как просчитывать риски и приспособливать свой бизнес под меняющуюся конъюнктуру, констатируют: центр мировой экономики теперь непременно вновь переместится в США. Многие, если не все, крупные игроки рынка бросятся переводить туда штаб-квартиры. В мировой торговле открывается совсем другая эпоха. [35] Им вторят аналитики: по их мнению, «реформа Дональда Трампа превратит США в привлекательную налоговую гавань, а иностранных производителей сделает неконкурентоспособными...». [36] Так что не стоит недооценивать ни уже реализованное Дональдом Трампом, к чему склонны многие аналитики, ни его решимость и дальше проводить свою линию (даже под угрозой импичмента, [получи](#) демократы большинство в обеих палатах). [37]

Небольшая, но очень символичная зарисовка с Лондонской конференции Chatham House. Ведущий обращается к залу, в котором уютно устроились более трех сотен экспертов из всех уголков земного шара, с вопросом: «Кто из вас поддерживает политику, проводимую Дональдом Трампом?» Поднимаются всего лишь три руки. Естественно, если большинство,

судя по разговорам в кулуарах, разделяют вердикт такого авторитета, как нобелевский лауреат Пол Кругман, который утверждал, что светлое вчера, когда «логика и факты для людей во власти действительно что-то значили», осталось в прошлом; «все же что делают нынешний президент и Конгресс, похоже, направлено не просто на углубление пропасти между богатыми и всеми остальными, а на закрепление преимуществ, которыми располагают плутократы, дабы облегчить и надежно обеспечить решение задачи, состоящей в том, чтобы они и их ровня остались наверху, остальные же – внизу».[38] Проходят два дня напряженных дискуссий. На закрытии тот же ведущий, прогуливаясь по подиуму, задает другой вопрос: «Кто из вас считает, что Дональд Трамп имеет шансы пойти на второй срок?» Поднимается лес рук. Такого мнения придерживаются две трети зала. О чем еще говорить! Любопытно также, что, по признанию аналитиков, пишущих для Financial Times, кому-кому, а рынкам Дональд Трамп «ничем не повредил». [39]

Загнанный вепрь

Казалось бы, совершенно иначе обстоят дела у России. Вместе с тем она находится в столь же безвыходном положении. Она тоже загнана в угол. Чтобы не сдаться, не покориться соперничающим с ней державам, не уйти с политического олимпа планеты и не затеряться среди других стран, имеющих менее славную историю, вообще выжить и вырваться из тисков системного кризиса, ей надо постоянно доказывать свою значимость. Свое величие. Свой статус. Что она первая среди равных. Что у нее глобальные амбиции. Она может и даже определяющим образом влиять на ход глобального развития.

Все могло бы сложиться иначе, а встраивание в современную мировую экономику и необходимые для этого реформы пойти более гладко. Быстрее. Системнее. Но кризис, вызванный неподготовленным исчезновением СССР, разрывом привычных экономических связей, отсутствием первоначального капитала и опыта работы в условиях рынка и предательство западных партнеров, на помощь которых новые правящие продемократические элиты, выброшенные во власть, так рассчитывали, оказался чудовищно глубоким. [40] На пути трансформаций Москва настолько потеряла в военной силе, экономической мощи, политическом и идеологическом влиянии, что и коллективный Запад, и соседи по Большой Евразии перестали с ней считаться. Вместо того чтобы удовлетвориться исчезновением угрозы нападения со стороны СССР и его доминирования, строить равноправные отношения и дать странам Балтии, Восточной Европы сохранить военно-политический нейтралитет и только что вновь обретенную независимую государственность, их в несколько приемов вовлекли сначала в НАТО, а затем и в ЕС. Когда же продолжая столь удачно складывающуюся для них экспансию окрепшие и расширившиеся НАТО и ЕС подобрались к святой-святым – самому ближайшему окружению – и принялись привязывать его к себе, а Россия продолжила отступать еще дальше, утрачивая все и, по всей видимости, уже навсегда, для Москвы это было больше недопустимо. Она не раз предупреждала: «Не делайте этого! Прекратите! Остерегитесь! Имейте совесть! Нам придется ответить, и не менее жестко, чем это получается у вас!» Но привыкнув за почти два десятилетия насмехаться над ее мнением, игнорировать ее интересы и плевать на ее ультиматумы, предупреждения и предостережения, западные державы к словам Москвы в очередной раз не прислушались. Даже урок с не совсем молниеносным, но все же

безоговорочным разгромом зарвавшегося режима Михаила Саакашвили в Грузии, рассчитывавшего на внешнюю поддержку, который напал на маленькую и казавшуюся беззащитной Южную Осетию, не пошел впрок. И на то, что Россия, осознав, насколько ненадежны добрые отношения с западными партнерами и что если она сама этого не сделает, никто не защитит ни ее саму, ни ее союзников, реальных и потенциальных, провела, наконец-то, вполне успешную военную реформу, эти самые западные партнеры не обратили внимания. А зря. Неформальное включение не кого-то другого, а Украины - сердцевины бывшего СССР и центрального звена несостоявшегося славянского братства - в ЕС и НАТО через договор о глубокой ассоциации и с помощью новой антироссийской правящей элиты, которой позволили захватить власть антиконституционным способом, означал объявление войны всему тому, что для Москвы дорого, на что она рассчитывала и надеялась, ее будущему в качестве самостоятельного глобального игрока, который еще может подняться. Примириться с подобным развитием событий Москва никак не могла. Абсолютно никак. В этом плане прослеживается полная аналогия с проанализированной выше ситуацией, в которой оказались США.

Последовали Крым. Юго-Восток Украины, война санкций. Новая холодная война, отличающаяся от прежней не остротой противостояния или бесперспективностью, а совершенно иным. Первая носила межсистемный характер, новая - внутрисистемный. Предыдущая завершилась распадом одного из противостоящих друг другу идеологических, политических и экономических лагерей, нынешняя может закончиться всеобщим коллапсом и самоуничтожением системы как таковой. Тем не менее она продолжается, нанося вовлеченным в нее странам все **большой** ущерб. Становится все более затяжной, тупиковой и всеобъемлющей. Получает выражение в том числе и в так называемых «прокси войнах». Ею стала, в частности, война за Сирию, проиграть которую Москва также не могла себе позволить. Отсюда вовсе не случайная, неожиданная или непредсказуемая, а вполне закономерная операция российских ВКС, логично вписывающаяся в предыдущий ход событий. С ее помощью Кремль очень надеялся «развернуть ломберный столик» и покончить с совершенно ненужным ему противостоянием. Это осуществить не получилось. Зато, как охотно признают большинство аналитиков, получилось многое другое. [41] Москва умножила число лояльных ей сил в регионе и в мире в целом. Триумфально вернулась в геополитику, продемонстрировала свою растущую мощь. Заставила с собой считаться. Сделала любой из геополитических проектов, которые она уже осуществляет или только вынашивает, и перспективным, и состоятельным. [42]

Таких проектов на настоящий момент два. Более скромный, но зато вполне конкретный и осязаемый - укрепление Евразийского экономического союза, углубление интеграции в его рамках с входящими в него странами, придание ему растущего охвата путем заключения договоров о зоне свободной торговли и/или снижении административных барьеров на настоящий момент с Вьетнамом и [Китаем](#), в перспективе - с Индией, Египтом, Ираном, Израилем и десятками других государств. Более амбициозный - формирование Всеобъемлющего Большого Евразийского Партнерства, любовно названного нами ВсеБЕАПом. [43] Оно должно связать между собой экономически и политически обособленные регионы, создать общее трансрегиональное пространство.

Согласно тем планам, которые вынашивает российское руководство и разъясняют такие

ведущие отечественные аналитические центры, как Совет по внешней и оборонной политике (СВОП), Валдай и др., оно позволяет перенаправить конкуренцию с Китаем в конструктивное русло, обратив его неминуемую внешнюю экспансию в инструмент ускоренного экономического развития всех фрагментов безбрежного евразийского материка (включая, конечно, наш Дальний Восток и Россию в целом). [44] Девальвирует провалившуюся политику изоляции и сдерживания России, проводимую США и ЕС с настойчивостью достойной иного применения. Камня на камне не оставляет от еще недавно вынашивавшихся ими претензий на мировое господство и пестуемых ими же надежд на легализацию своего мессианского призвания служить для всех непререкаемым авторитетом и образцом для подражания и вмешиваться по своей прихоти в дела третьих стран и регионов. Открывает путь к самому широкому трансрегиональному взаимодействию в интересах совместного решения глобальных проблем, стимулирования экономического развития и создания новой экономики, обеспечения политической стабильности и безболезненного транзита власти, урегулирования самых острых, пагубных и застарелых конфликтов, взрывающих мир в Юго-Восточной Азии, Большой Средней Азии, Большой Европе и на Большом Ближнем Востоке. Связывает между собой новейшие, возникшие при участии и/или по инициативе России, и влиятельнейшие международные организации, такие как G 20, ШОС, БРИКС, ОДКБ, ЕАЭС и др. в единую сеть управления глобальными процессами. [45]

Ни малейших сомнений в том, что в обозримой перспективе, вне зависимости от внутривнутриполитической динамики, Россия и дальше будет следовать этим курсом, нет и быть не может. Единственно, для того чтобы справиться с той глобальной ролью, на которую она претендует, ей в обязательном порядке придется взяться за проведение глубоких социально-экономических реформ. И речь вовсе не о «скромных», частных и половинчатых новациях, предлагаемых Столыпинским клубом, командой Алексея Кудрина и др. Россия должна поставить крест на сформировавшейся в стране «откатной» экономике, провести ее разгосударствление и реальную деофшоризацию, гарантировать всем настоящую, а не мнимую экономическую свободу, создать независимую от Востока и Запада финансовую платформу и дать абсолютно любому бизнесу доступ к длинным деньгам, определиться, в конце концов, со своими экономическими приоритетами и заняться эффективным экономическим планированием в рамках не только национальных границ, но и ЕАЭС и ВсеБЕАПа. Чтобы таких подлинных лидеров экономики, как «Росатом», у России было не раз, два и обчелся, а десятки. [46]

Осажденная крепость

В сходном положении находится и Евросоюз. У проводимого им курса на удержание достигнутых завоеваний, усиление внутренней сплоченности и углубление интеграции нет альтернативы. Да, как показало последнее десятилетие, он отнюдь не безупречен. Он не устраняет разрыв в уровнях развития, делая эту проблему еще более болезненной и неразрешимой. В результате противоречия в ЕС между преуспевающим Севером и кризисным Югом, самодовольным Западом и периферийным Востоком приобретают перманентный характер. Он не снижает неравенства. Не сулит победы в конкурентной борьбе ни с США, ни с быстро растущими экономиками. [Не гарантирует](#) ни стабильность, ни дальнейшее

процветание, ни безопасность, ни ослабление «евроскептических настроений». Не позволяет воздвигнуть надежный барьер на пути поднимающегося национализма, популизма и крайне правых. Напротив, [превращает](#) их из некогда внесистемных и маргинальных сил и политических течений в неотъемлемую часть современного западного общества, одну из естественных опор, на которых держится его политическое устройство. Развенчивает миф об его открытости, гуманности и человечности, в клочья разорванный миграционным кризисом. [47]

Вместе с тем этот курс является единственно возможным. Заменить его не на что. «Брекзит» продемонстрировал это со всей очевидностью. Решение о выходе «вызвало столбняк» не у ЕС, а у самих англичан. Породило головную боль не у Брюсселя, которому постоянная фронда Туманного Альбиона порядком надоела, а у самой Великобритании. Ослабил позиции не столько интеграционного объединения, на котором оно пока особенно не сказалось, сколько в первую очередь на самом «кандидате в дезертиры». Вместо того чтобы подстегнуть развитие экономики, как боялись одни и надеялись другие, нанес по ней чувствительный удар. [48] Выяснилось, что интеграция зашла слишком далеко, чтобы идти на попятный. Отказываться от нее – себе дороже. Как и зачем рвать возникшее переплетение национального и наднационального во всех областях жизни – никто не ведает. Процедура выхода невероятно тяжелая: затеявшая его страна теряет неизмеримо больше, чем приобретает.

На полях Лондонской конференции не раз пришлось беседовать на эту тему. Неизменно поднимали ее сами англичане. Вот недословное изложение одного из разговоров. Прием в честь участников, который ее организаторы, видимо, дабы показать свое превосходство, устроили в знаменитейшей Галерее изобразительного искусства на Трафальгарской площади. Надменные бритты аристократической наружности, среди которых люди из Палаты общин, верхушки партийной номенклатуры, British Petroleum и других ведущих компаний – все они в один голос плачутся, что лучше бы референдума не было. Мотивы, по которым народ проголосовал за выход, никакого отношения к ЕС на деле не имеют, его ввели в заблуждение. Сейчас бы до такого абсурда ни за что бы не дошло. Вследствие выхода страна и бизнес теряют недопустимо много. Рулят всем политики, для которых в действительности управление государством – темный лес. Разбираются в нем только карьерные чиновники, представляющие костяк гражданской службы, которых никто не спрашивает. Переговоры с Брюсселем ведут те, кто на порядок слабее противоположной стороны. Они проиграют и сдадут все, что только можно и нельзя. Поэтому остается надеяться на то, что все по обе стороны Ла-Манша от этого только выиграют. [49]

Еще хлеще описывает ситуацию один из ведущих комментаторов авторитетнейшей британской газеты Financial Times Филип Стефенс. «Правительство и парламент потеряли контроль», – с болью и раздражением констатирует он. – «Большинство парламентариев считают «Брекзит» ошибкой, но чувствуют себя обязанными продолжать процедуру выхода, дабы их не обвинили в пренебрежении тем, о чем таблоиды пишут не иначе, как о «воле народа». Вот что случается, когда тонко настроенный механизм сдержек и противовесов представительной демократии подчиняют машине большинства, срабатывающей на референдумах». И далее: «Отличительной чертой премьерства Терезы Мэй является его слабость. Среди высших чиновников не найти почти никого, кто считал бы «Брекзит» славной идеей. Британские дипломаты уверены, что он скажется на влиянии страны за рубежом. Оценки Минфина не выходят за рамки подсчета

ущерба: будет ли он большим, очень большим или катастрофическим. Того же мнения придерживается и ЦБ». [50]

Так что ЕС, безусловно, будет идти вперед прежним курсом. И многочисленные размышления, которыми пестрят как желтая пресса, так и солидные толстые журналы, по поводу того, что в интеграции разочаровались и даже немцам она не так выгодна, как считается, и они вслед за многими другими, только по иным причинам, начинают ставить ее под сомнение, – не более чем сотрясение воздуха. [51] Напротив, программные выступления лидеров ЕС, включая ежегодное послание председателя Европейской комиссии Жан-Клода Юнкера от 13 сентября 2017 года и Сорбонскую речь Эммануэля Макрона несколькими днями позже, намечающие систему мер по адаптации интеграционного объединения к работе в новых условиях (к которым, скорее, правда, на уровне абстрактных лозунгов, чуть позже присоединился председатель СДПГ Мартин Шульц), имеет неплохие шансы на то, чтобы превратиться в конкретный план действий. [52, 53] Во всяком случае, пока политики и эксперты разглагольствуют по поводу того, что это всего лишь пустые обещания, розовые мечты и личные амбиции, Европейская комиссия совместно с Европейской службой внешних действий воплощают их в конкретные предложения. Нанизывают на них «мясо». Превращают в циркуляры, ориентиры, заключения, Белые и Зеленые книги, наброски директивных и нормативных актов. Придают им характер достигнутых договоренностей.

Так что и по пути намеченного институционального строительства ЕС наверняка пойдет. Европейская служба пограничной и береговой охраны и Европейская прокуратура – только первые ласточки. И сближением налогового законодательства государств-членов наверняка займется. Возражения со стороны тех, кто до последнего этому противился, звучат все глуше. И с переформатированием рынка капитала и многим другим у ЕС получится. До 2016 года европейские банки занимались в основном собственной санацией. С 2017 года вновь стали выдавать кредиты реальному сектору экономики. Причем по нарастающей. И благодаря соглашениям о свободе торговли нового поколения с максимальным количеством важных для нее стран будет создавать с ними общие экономические пространства и зоны регулирования. Первое из них – с Канадой – уже ратифицировано. В конце 2017 года ЕС подготовил подобное соглашение с Японией. [54] И единый оборонный комплекс общими усилиями ускоренно развивать будет. Принятые в декабре 2017 года революционные решения по запуску структурированного сотрудничества в области безопасности и обороны (ПЕСКО) послужат лишь началом. Только, советует странам еврозоны и ЕС Financial Times, ни в коем случае не замедляйте осуществление так необходимых внутренних реформ: сейчас для этого самое время – пока конъюнктура благоприятна и темпы роста ВВП вполне обнадеживающие. [55] Во всяком случае, выше, чем в Великобритании. [56]

Вот что совершенно очевидно не получится у ЕС в ближайшее десятилетие, так это вписаться в меняющуюся демографию планеты. Европейцев, увы, на матушке Земле будет становиться все меньше и меньше. Соответственно, давление на них со временем будет только усиливаться. А возможность выработать новое видение того, как и что следует делать исходя из этой мало их радующей перспективы, напрочь перекрыл миграционный кризис. Ввиду нарастающего недовольства коренного населения и неспособности абсорбировать даже небольшую толику инокультурных беженцев и мигрантов, ЕС сделал выбор в пользу единственно возможного на настоящий момент, но тупикового варианта действий. Он вынужден был склониться к тому,

чтобы отгородиться от потока беженцев и мигрантов высокой и по возможности непреодолимой стеной.

Воздвигнуть ее он постарался с помощью системы мер военного, финансового, дипломатического и правового характера. [57] Среди них – превращение военно-морских сил и только что созданной вместо ФРОНТЕКСа Европейской службы пограничной и береговой охраны в бастион на пути нелегальной миграции; развертывание перехватывающих лагерей для беженцев и мигрантов за пределами национальной территории по периметру объединения; заключение соглашений со странами исхода о сдерживании миграции и беженцев в обмен на деньги и содействие развитию; реадмиссия плюс эффективное выдворение из ЕС нелегалов и нежелательных элементов (что государствам-членам, в том числе Франции и Германии, до сих пор делать не особенно удавалось); ужесточение национального и наднационального законодательства о приеме переселенцев и ограничение всего, что только возможно. Часть из них [описывается](#) как «экстернализация миграционного контроля». Эта система мер сработает. Она уже сейчас сняла остроту миграционного кризиса. Но она даст всего лишь передышку. На пять, может, 10 или 15 лет. Больше ЕС, следуя прежним курсом, как в свое время Древнему Риму, не выстоять.

Не выстоять ему и в случае продолжения самоубийственной антироссийской политики. В этом плане вполне можно согласиться с ведущим российским европейцем Анатолием Громыко. Он пишет: «Для «европейской мечты» не все еще потеряно, но только если она не будет и дальше растаскиваться по национальным и региональным квартирам. Монополия на Европу со стороны одной из ее частей – историческая близорукость. Пусты корни, и европейская цивилизация не переживет в своем нынешнем виде текущего столетия. Европейцы на западе и на востоке Старого Света смогут прожить друг без друга, но скоро они незаметно пересекут точку невозврата, после которой ослабленная и раздробленная Европа будет долго наблюдать свой закат в тени других более дальновидных и жизнеспособных цивилизаций». [58]

Раскрученный маховик

Нет выбора и у Китая. Став первой экономикой мира и крупнейшей в мире торговой нацией, он не может позволить запретить себя в Южно-Китайском море, не может допустить, чтобы третьи страны имели даже теоретическую возможность ограничить свободу судоходства для его торгового и нарождающегося военно-морского флота, перекрыть морские пути гарантированного снабжения сырьем созданного им хозяйственного комплекса и доступа к рынкам сбыта. Соответственно, Пекин тем или иным способом, но решит проблему спорных островов, и все сопредельные страны это прекрасно понимают. Точно так же он будет делать ставку на строительство военно-морских сил, которые при любом развитии событий позволят ему отстаивать свои внешнеэкономические интересы и создавать военно-морские базы за рубежом. [59]

Став первой экономикой мира, Китай не может допустить, чтобы кто-то в его отношении безнаказанно проводил политику сдерживания, пытался вмешиваться в его внутренние дела, включая те, которые он сам считает внутренними, и занимался дестабилизацией стран и регионов, в которых он заинтересован. Поэтому он будет стремительно конвертировать свой

гигантский экономический потенциал также и в военную мощь. Создавать достаточные стратегические силы ответного сдерживания. Вкладываться в космические и любые другие программы двойного назначения. К этому элементарно надо быть готовыми.

И в том, что касается экономического строительства, дальнейшие шаги Китая не только легко просчитываются, но и самым тщательным образом разъясняются в директивных документах КПК, выступлениях и инициативах политического руководства страны. [60] Китай создал производственные мощности далеко превосходящие его потребности и к тому же столкнулся с классической ситуацией перепроизводства, когда недостаточный внутренний спрос можно компенсировать только за счет внешнего. Однако следовать рецептам, которые ему усиленно навязываются извне, и обычной западной модели вывода из эксплуатации избыточных мощностей и наращивания внутреннего спроса для него бесперспективно, даже смертельно. С одной стороны, вызовет недовольство, скажется на авторитете партии и правительства, усилит напряженность в обществе. С другой, нанесет удар по конкурентоспособности и подорвет высокие темпы роста.

Следовательно, Пекину надо загружать свои предприятия внешними заказами; давать своему строительному комплексу контракты на осуществление больших инфраструктурных проектов за пределами своей территории; перебрасывать некритически важные производства в соседние и другие страны и регионы; вкладывать все больше средств в человеческий капитал, науку и технику; осваивать наукоемкие и наиболее передовые производства; продолжать внешнюю экспансию; ломать барьеры на пути проникновения своих товаров и услуг на внешние рынки; бороться с любыми проявлениями протекционизма со стороны третьих стран; всемерно расширять сферы и географию использования юаня; добиваться мирового признания своих технических стандартов и гарантий качества.

Этим целям как нельзя лучше служат формирование всеобъемлющих зон свободной торговли, проект Экономического кольца Шелкового пути (ЭКШП), проникновение не только на рынки Азии, Африки и Латинской Америки, но и в [Восточную Европу](#) и на Балканы, планы достижения мирового лидерства в области цифровой и зеленой экономики. [61] По этому пути Китай и будет идти. Жестко отстаивая, прежде всего, естественно, свои интересы. Без альтруизма. Строго исходя из коммерческой выгоды того, что он делает. Избегая присоединения к уже существующим глобальным «структурам на их условиях». [62] Как предупреждают аналитики Financial Times, у Китая есть стратегия на длительную перспективу, в отличие от коллективного Запада, у «которого ее нет». [63]

Поэтому столь своевременной была договоренность между лидерами России и Китая о сопряжении ЭКШП с деятельностью ЕАЭС, из которой органически выросла инициатива построения ВсеБЕАПа. Только что заключенное соглашение между ЕАЭС и Китаем – маленький первый шаг в правильном направлении. [64] Важно, чтобы за ним последовали десятки других. Чтобы ВсеБЕАП ежегодно пополнялся сотнями новых коммерческих проектов, создающих повсюду новые точки/центры ускоренного экономического развития. Чтобы в опережающем темпе формировалась сфера права, обслуживающая реализацию больших трансрегиональных инфраструктурных проектов и глобальные производственные цепочки. [65] А уверенность аналитиков относительно «резкой активизации российско-китайского взаимодействия в сфере внешней политики» [распространилась](#) также и на сферу экономики.

Реалии технологической революции в эпоху постправды

Выше уже упоминалось, что одним из безусловных трендов глобального развития x является рост народонаселения. Другими выступают возрождение традиционных религий, обретение исламом черт пассионарности, усиление роли субгосударственных образований в международных отношениях, превращение международного терроризма в нещадно эксплуатируемый фактор внутренней и внешней политики, перенос акцента на [кибербезопасность](#), ускорение научно-технического прогресса и поэтапный переход мировой экономики на новую технологическую платформу и т. д. [66, 67] Все эти закономерности современного развития будут на годы вперед оказывать определяющее влияние на образ жизни наших стран и народов, на проводимую всеми государствами внутреннюю и внешнюю политику. [68] А проиллюстрированный нами индивидуализм, превалирующий в действиях и политических установках ведущих мировых игроков – давать возможность региональным державам и всем другим государствам, имеющим чуть меньший вес в мировых делах, копировать их модели поведения вне зависимости от того, позволяет ли это действующее международное право или запрещает.

В принципе все указанные тренды вполне подробно описаны и разобраны в специальной и научно-популярной литературе. Скажем, доказано, что специфика нынешнего типа (этапа) технологической революции заключается в том, что, с одной стороны, она создает «общество шеринга». Из нетто-потребителя услуг, товаров, энергии и информации человек на уровне даже не групп, а отдельного индивида превращается также и в их производителя. С другой стороны, она заменяет и вытесняет человека. Делает его бесполезным и ненужным. Грозит обществу массовой безработицей, невиданной доселе миграцией населения и многими другими бедами. Предъявляет к государственным структурам и осуществляемой социальной и любой другой политике принципиально новые требования.

Делать вид, что все эти процессы трудно предсказуемы и усиливают неопределенность, значит оказывать обществу, господствующим элитам, отдельным странам – всем нам медвежью услугу. Конечно же, их в обязательном порядке нужно учитывать при планировании и осуществлении практической политики. Повсюду это и стараются делать. Первыми информационно-коммуникационные технологии стали внедрять Соединенные Штаты, и продвинулись они по этому направлению очень далеко. Их компании удерживают в этой области главенствующие позиции. Китай провозгласил своей целью в течение десятилетия обогнать в этом плане всех других. ЕС в число своих приоритетов первой величины возвел построение цифрового рынка и цифровой экономики. С некоторым отставанием в глобальную гонку вступила и Россия. [69] Во всяком случае, об этом было заявлено с самых высоких трибун. [70]

Концепции тотальной всепроникающей неопределенности старательно переставляют акценты с упомянутого нами на все другое, затушевывая его определяющее значение. Значит, у появления таких концепций, их стремительного распространения и укоренения есть объективная основа. Попробуем указать ее важнейшие конституирующие слагаемые, в какой-то степени объясняющие, что мешает спокойному, рациональному, профессиональному обсуждению и осмыслению разобранных процессов, закономерностей и явлений и

порождаемых ими проблем, развертыванию самого широкого международного сотрудничества для их конструктивного и своевременного решения, поиску альтернативы проанализированному нами конфронтационному курсу, ставшему на настоящий момент нормой поведения на международной арене.

1. За долгие годы в США и ЕС и ориентирующихся на них странах сложилась своего рода индустрия восхваления того, как они устроены, что ими делается, проводимой ими политики, продвигаемых ими ценностей. Она создана выпестованными ими исследовательскими центрами, которыми они себя окружили, провозглашенными ими же самими самыми знающими, сильными, авторитетными, безошибочными. Эти центры только тем и занимаются, что воскуряют им фимиам в обмен на щедрое финансирование и оплату за предоставляемые интеллектуальные услуги. Ничем другим эти центры заниматься не в состоянии. Не обучены. Ни к чему другому не приспособлены.

Относительное ослабление традиционных центров силы, те «дрова, которые они наломали» за последние годы и у себя дома, и особенно во всех других странах и регионах, которыми решили командовать, стремительные изменения, происходящие на национальном уровне и на международной арене, убедительно продемонстрировали несостоятельность этих исследовательских центров, их ангажированность и одностороннюю ориентацию. То, что они рассказывают своим нанимателям и остальному миру, имеет очень отдаленное отношение к действительности. Чтобы это скрыть концепции неопределенности подходят почти идеально. Естественно, что они и стали ими с недавних пор усиленно тиражироваться.

2. У заказчика, то есть у руководства и правящих элит США и ЕС и ориентирующихся на них стран, нет ни малейшего желания что-либо менять в теоретическом обосновании своего превосходства, своего главенства в мировых делах и своей модели социально-экономического развития, выдаваемой за образец для подражания, а, следовательно, и в подходах, проповедуемых обслуживающими их исследовательскими центрами и являющимися их частью экспертными кругами. Менять – означало бы признать реальность, объективную природу и закономерность претящих им перемен. Следующим шагом должно было бы стать тогда согласие на то, чтобы отказаться от нарциссизма, «подвинуться», внести системные изменения в исповедуемую картину мира, перейти к осуществлению инклюзивной политики, которую они не приемлют. От возможности такого шага они всячески откреещиваются. Они исходят из непоколебимой уверенности в том, что все вернется на круги своя и они снова «будут на коне». Соответственно, их вполне устраивают концепции неопределенности, согласно которым нынешние бифуркации являются всего лишь временным отклонением от нормы, а, значит, и непонятными, и непредсказуемыми.

3. Западная политическая культура и совокупность представлений, господствующих в обществе, не допускают признания системных недостатков, присущих утвердившемуся политическому устройству и способам хозяйствования, как равно и просчетов и упущений, допущенных и допускаемых главенствующими политическими силами, претендующими на то, чтобы бессменно удерживать в своих руках политическую и экономическую власть. (Хотя глобальный финансово-экономический кризис и его тяжелейшие последствия вроде бы еще не полностью стерлись из памяти). Особенно сейчас, когда историю СССР рисуют исключительно черными красками, а между коммунизмом и тоталитаризмом стараются ставить весьма

двусмысленный знак равенства. [71]

Так одно дело – на все лады склонять еэсовскую и национальную бюрократию за неспособность до конца справиться с кризисом евро и миграционным кризисом, и совсем другое – расписаться в том, что оба кризиса на 100 процентов были спровоцированы самим руководством ЕС и ведущих держав интеграционного объединения, преследованием ими частных интересов, не имеющих ничего общего с интересами общества, и явились следствием не просто близорукой, но и по большому счету преступной политики. Одно дело – предъявлять список претензий Ангеле Меркель за то, что она своей миграционной политикой и стремлением расширить социальную базу христианских демократов, как бросились делать сонмы аналитиков, чуть ли не сама впустила в Бундестаг крайне правых, и совсем другое – разобратся в том, почему немецкое общество формирует запрос на «Альтернативу для Германии». [72] Одно дело – возложить ответственность за каталонский кризис не только на сепаратистов, но и на центральную власть, и совсем другой – признать, что современная Европа тяжело больна сепаратизмом и надо находить общее решение. [73] Однако если признавать системные пороки и просчеты нельзя, на какого-то или на что-то надо же их списывать. Концепции неопределенности тут как тут: они утверждают, что во всем виноваты неопределенность и непредсказуемость (в дополнение к ренегатской политике России и Китая, стремящихся, дескать, сломать такое хорошее и правильное устройство мира, и грубому вмешательству Москвы во внутреннюю политику беспечных и беззащитных западных демократий), а не те, кто по справедливости должен был бы нести ответственность. [74, 75, 76]

4. Постулаты, отстаиваемые западными политиками и экспертным сообществом, от длительного некритического использования превратились в набор клише, стереотипов и трафаретов. Вполне возможно, что когда-то или в чем-то они были верны и давали достоверное объяснение отдельных аспектов действительности. Но со временем эти свои качества почти полностью утратили. Действительность изменилась, во многом стала совершенно другой, а набор клише, стереотипов и трафаретов – нет. О США, ЕС и тяготеющих к ним странах, их характерных особенностях и достоинствах, об окружающем их мире, России, Китае, Индии, Иране, ЕАЭС, ЭПШП, БРИКС, ШОС, развивающихся странах, международном сотрудничестве и соперничестве, мировой экономике, международном содействии развитию и самом развитии и т.д. Поэтому призывы рупора британских деловых кругов, газеты Financial Times, о том, что «большой бизнес должен помочь исправить провалы капитализма», звучат порой так революционно. [77] Концепции тотальной всепроникающей неопределенности органически встраиваются в этот набор. С одной стороны, в чем их смысл, не совсем понятно. С другой стороны, они легко принимаются на веру и становятся частью политического дискурса.

5. Индустрия восхваления не имеет себе равных. По своей мощи она на несколько порядков превосходит материальную базу всех тех, кто разочаровался в выпускаемой и тиражируемой ею интеллектуальной продукции и/или пытаются ее критиковать. В ее распоряжении мировые СМИ, Интернет, поисковики, отточенные до филигранности механизмы промывания мозгов. Она не испытывает недостатка в финансировании. Опирается на традиции, табуизацию определенных сюжетов и представлений, ввешуюся в кровь политическую корректность. Не привыкла «миндальничать» и в любой момент готова запустить маховик остракизма в отношении отступников. Обладает колоссальным авторитетом и влиянием, на поддержание которых работает все западное общество.

Не удивительно при таких обстоятельствах, что многие из обосновываемых ею философских систем, экономических воззрений, политических схем и концепций воспринимаются как само собой разумеющиеся. Раз и навсегда доказанные. Не нуждающиеся больше в проверке и подтверждении. Чуть ли не абсолютно достоверные. Одна из таких концепций – об однополярном мире, сложившемся по окончании первой холодной войны. На самом деле, однополярного мира никогда не существовало. С завершением холодной войны произошло масштабное изменение баланса сил и влияния в пользу США, ЕС и НАТО. Но в условиях когда многополярность обеспечивалась и зиждилась также на плюралистической природе всевластного Совбеза ООН, взаимном сдерживании, гарантируемом ядерным клубом, и ограничениях, накладываемых на все страны и группировки государств Уставом ООН и базирующимся на нем действующем международном праве, никакой однополярный мир, естественно, не мог возникнуть. [78] Однако представления о движении мира к многополярности или об утверждении многополярности (в действительности всегда существовавшей), ошибочно взятые на вооружение руководством, политическими элитами и экспертным сообществом России, Китая и других незападных стран, лишь добавили достоверности концепции однополярности, выпущенной на свет и активно продвигаемой индустрией восхваления, поскольку она идеально обслуживает интересы все тех же США, ЕС и НАТО. [79]

С концепциями тотальной всепроникающей неопределенности руководство, политические элиты и экспертное сообщество незападных стран может попасться на ту же уловку. Да, когда в мире столь быстро происходят динамические изменения, нарастают кризисные явления, то тут то там происходят катаклизмы, отдельные страны и государственные деятели позволяют себе непонятно что, а то, что еще вчера казалось вполне надежным, перестает работать, весь мир находится в транзите и риски стремятся до небес, эти концепции кажутся удивительно удачными, идеально отражающими происходящее. Но ведь здравомыслящие исследователи и политики должны видеть, что они нужны и выгодны, прежде всего, тем, кто хотел бы сохранить за собой свободу рук. Тем, кому требуется оправдание их авантюризма, вседозволенности и волюнтаристской политики. Тем, кто ставит свои интересы выше интересов равноправного взаимовыгодного международного сотрудничества. Тем, кто готов добиваться поставленных перед собой задач любой ценой. Они обязаны помнить, что наука тем и отличается от политической алхимии и пропаганды, что она способна за вереницей случайностей различить проявление закономерности и логику проводимого политического курса, а на основе знаний о закономерностях – предсказывать события, возможные меры и контрмеры, которые адепты неопределенности выдают за цепь случайностей, нечто совершенно непредвиденное и неожиданное.

6. Расцвет концепций неопределенности – относительно недавний феномен. Он пришелся буквально на последние годы. Это далеко не случайно. Он самым тесным образом связан с развернувшейся в мире информационной войной, деградацией профессии журналиста, подменой объективности и беспристрастности социальным (политическим) заказом и утвердившейся внутренней цензурой. [80] Откровенная ложь, фейки, дезинформация, политическая риторика о [хакерских атаках](#) и прочее занимают все большую часть информационного пространства, дезориентируя не только человека с улицы, но и лиц, принимающих важные экономические и политические решения, сужая поле для маневра, которым они еще недавно обладали. Под их влиянием общество привыкает жить в

вымышленной реальности, формируемой такими суждениями, как это, не моргнув глазом тиражируемыми мировыми СМИ: «Похоже, нам никогда не узнать наверняка, насколько радикальным образом российская кампания по оказанию влияния на американское общество через социальные сети поменяла ход истории – скажем, в достаточной для того, чтобы сказаться на результатах выборов. Но уже сейчас понятно, что усилия России бесчисленными мелкими воздействиями изменили мир, в котором мы живем». [81]

Наступление эпохи постправды нанесло урон, однако, отнюдь не только отношениям между Россией и ЕС, Россией и США. От нее все больше страдает и само западное общество. С одной стороны, для него становится привычным видеть все происходящее внутри и вокруг в искаженном свете, знать об этом, но делать вид, будто из двух зол оно выбирает меньшее. В том числе сказочки о неопределенности. С другой стороны, чудовищно деградирует политическая культура, представления о том, «что такое хорошо и что такое плохо». Примеров можно приводить несметное количество. Ограничимся тремя. Вспомним недавние выборы в Европарламент. Европейские партии проводят праймериз для того, чтобы выдвинуть своего кандидата в будущие председатели Европейской Комиссии – центральное звено системы управления Евросоюзом. Вполне вероятным делается избрание на этот командный пост бывшего премьер-министра Люксембурга Жан-Клода Юнкера (что, как известно, и произошло). Категорически против его кандидатуры настроена Великобритания. Вакханалия, которую устраивают британские СМИ, несопоставима даже с тем, что они позволяют себе в отношении лидеров России, Китая, Ирана, Сирии или Северной Кореи. Журналисты прячутся в кустах рядом с его домом. Пытаются пролезть куда только можно. Печатают такие материалы, от которых волосы встают дыбом. Злословят. Издеваются. Шельмуют изо всех сил и без удержу. Не утруждая себя ни достоверностью, ни доказательствами – ничем. Рассказывают о том, какой он больной. Что пьет не просыхая. Что в их распоряжении оказались материалы, указывающие на то, что его родственники якобы сотрудничали с фашистами. И прочее в таком духе. [82]

Только что закончилась первая фаза переговоров между англичанами и ЕС об условиях выхода. Выступая с пространной речью незадолго до того на упоминавшейся Лондонской конференции министр иностранных дел Великобритании Борис Джонсон умудрился ни словом не обмолвиться перед представительным собранием экспертов о том, как они ведутся и зачем. Вообще выудить из британских газет и журналов хорошую аналитику по их поводу крайне сложно. Этим голову обывателю они стараются не забивать. Зато подковерные нюансы «обсасываются» на все лады. Дескать, даже в своей партии ее лидер не в состоянии навести порядок. [83] На обеде в узком кругу с Жан-Клодом Юнкером в Брюсселе премьер-министр Тереза Мэй выглядела постаревшей, побитой, растерзанной; она жаловалась на то, что у нее руки опускаются: утечку, мол, дал шеф кабинета председателя Европейской Комиссии. [84] Ангела Меркель вне себя от гнева, рвет и мечет. [85] Кабинет в раздрае, может развалиться в любой момент, зачем все делается никто не понимает, и вообще Тереза Мэй ведет себя странно. [86] Из этого можно сделать вывод о том-то. Это указывает на то-то. Ей обещаны уступки, лишь бы не допустить ее падения, усиления позиций ее недругов и соперников. Вот как, оказывается, отстаиваются интересы страны, и т.д. и т.п.

Ну, уж о том, какие «помои» выливаются на голову законно избранному президенту США, причем не в течении месяца-двух, как в случае с Жан-Клодом Юнкером, а денно и нощно,

знают все. Это любимый сюжет всех новостных каналов. Поднимать Дональда Трампа на смех, выставлять в дурном свете, спускать на него собак – любимая нынче американская забава. Кто ей только не предается: от нью-йоркских таблоидов до CNN. Что настоящая образцовая демократия и свобода слова – это когда можно и по прошествии полутора лет оспаривать результаты выборов, пытаться заблокировать любое законодательство, в котором нуждается страна, воевать друг с другом клан на клан, придумывать на пустом месте самые невероятные обвинения, безбоязненно нести в эфире любой вздор – об этом действительно никто не подозревал. Но это все же, скорее, к сюжету о деградации политической культуры и современных западных нравов, а не о всепроникающем характере неопределенности.

Вывод, видимо, в дальнейшем обосновании не нуждается: при планировании внешней и внутренней политики и курса реформ очень желательно, даже просто необходимо не кивать на растущую неопределенность, а внимательнейшим образом отслеживать действие общих закономерностей в современных условиях, вникать в ту логику поведения, которой на самом деле придерживаются как партнеры, так и конкуренты и противники, выводя всех на объединительную повестку дня – все равно, чтобы ни происходило, только за ней будущее.

© Марк ЭНТИН,
профессор МГИМО МИД России, профессор-исследователь БФУ,
Екатерина ЭНТИНА,
доцент НИУ ВШЭ, старший научный сотрудник Института Европы РАН

1. Trump un an après (Editorial), Le Monde, №22652, 10 novembre 2017, p. 23.
2. О чем обстоятельно повествуется, согласно редакционным статьям BBC, в новой книге бывшего нью-йоркского колумниста Майкла Вульфа (“Fire and Fury: Inside the Trump White House”), которую он написал по материалам 200 интервью, полученных (иногда с нарушением требований конфиденциальности) от приближенных Дональда Трампа – Trump-Bannon row: White House lawyers issue cease-and-desist order, BBC site, January 4, 2018; 10 explosive revelations from new Trump book, BBC site, January 3, 2018.
3. Который, по мнению специалистов, входящих в команду Дональда Трампа, имеет исключительно спекулятивный характер и не опирается ни на какие обоснованные научные данные, в чем, кстати, уверены и в Российской академии наук – Борис Смирнов, Виноват ли углекислый газ в парниковом эффекте. Изменение глобальной температуры даже на 10 градусов не приведет к дестабилизации атмосферы, Независимая газета, №284 (7191), НГ Наука, 27 декабря 2017 г., с. 9, 12.
4. Характеризуя который Дональд Трамп сказал: «Это не более чем признание действительности». Цитируется по – Андрей Мельников, Трамп не тронет самое святое, Независимая газета, №278 (7185), Приложение НГ Религии, 20 декабря 2017 г., с. 9-10.
5. Константин Косачев, Мир на переломе, Известия, 29 декабря 2017 г., с. 1, 7.
6. Robin Harding, Abe wins sweeping mandate for reform in decisive Japan election, Financial Times, October 23, 2017, p. 1; Robin Harding, Abe triumphs after Koike makes disastrous mistake, Financial Times, October 23, 2017, p. 6.

7. Richard Lloyd Parry, Abe admits he lacks strength to end pacifism, The Times, №72362, October 24, 2017, p. 34.
8. Включая не только военное строительство, но и совместное (с Россией) освоение спорных территорий с перспективой выхода на заключение мирного договора - Владимир Скосырев, Абэ не отказался от Южных Курил, Независимая газета, №278 (7185), 20 декабря 2017 г., с. 1, 7.
9. Philippe Mesmer, Confortable majorité parlementaire pour le premier ministre japonais, Le Monde, 24 octobre 2017, p. 6.
10. Итоги 2017 года. В мире. Германия осталась без правительства. В ФРГ установлен рекорд по срокам формирования кабинета министров, Независимая газета, №285 (7192), 28 декабря 2017 г., с. 6.
11. «Кризис вокруг Каталонии стал вызовом для всего Евросоюза», констатацией которого ограничиваются многие аналитики и, в том числе, авторы Независимой газеты - на наш взгляд, слишком мягкая характеристика ситуации - Итоги 2017 года. Каталония попыталась отделиться от Испании, Независимая газета, №285 (7192), 28 декабря 2017 г., с. 6.
12. Les séparatistes Catalans et la politique du pire (Editorial), Le Monde, 24 octobre 2017, p. 24.
13. John Mauldin, Year of the Octopus, Part 1, Thoughts from the frontline, Mauldin Economics, January 5, 2018.
14. В частности, в Афганистане - Владимир Мухин, Россия спешно наращивает военную помощь Таджикистану. После разгрома исламистов в Сирии боевики перебираются в Центральную Азию, Независимая газета, №278 (7185), 20 декабря 2017 г., с. 2.
15. Дмитрий Данилов, Поиск новых методов борьбы с терроризмом - вызов мировой безопасности №1, сайт РСМД: Международные отношения 2018, <http://russiancouncil.ru/2018/internationalsecurity.html#danilov>
16. Trump un an après (Editorial), Le Monde, №22652, 10 novembre 2017, p. 23.
17. Хотя и за того, и за другого проголосовало, по факту, меньше половины электората, рейтинги их сразу пошли вниз. Одного проигравшая сторона обвиняет во всех смертных грехах, второго - пока еще только в авторитаризме, половинчатости и односторонности - Bastien Bonnefous, Solenn de Royer, Macron, une poigne de fer au sommet de l'Etat, Le Monde, №22652, 10 novembre 2017, p. 8; Винфрид Файт, Маленький принц. Почему Эммануэль Макрон не стал большим новатором, IPG - Международная политика и общество, 3 января 2018 г.
18. Характерно, что новый канцлер Австрии Себастьян Курц, которому всего 31 год, пришел к власти под лозунгами, объединяющими в одну программу жесткий ответ на миграционный кризис и неприятие социального туризма внутри ЕС (сближающими его с австрийскими крайне-правыми) и всемерного укрепления объединения и углубления интеграции (роднящими его с Эммануэлем Макроном, которому, кстати, по его собственному признанию, он в чем-то старается подражать) - Entretien avec Sebastian Kurz: "Nous nous devons d'être proeuropéens". Le futur chancelier autrichien, Sebastian Kurz, defend son projet de coalition avec le parti d'extrême droite FPÖ, Le Monde, №22652, 10 novembre 2017, p. 8.
19. Евгений Григорьев, В немецкой экономике бум, в политике пробуксовка, Независимая газета, №2 (7194), 11 января 2018 г., с. 7.
20. Готового к тому же в любой момент выйти на улицы, и отнюдь не только тогда, когда непосредственно затронуты его интересы, как в случае с пенсионными реформами - Анастасия Башкатова, Миру угрожает война поколений, Независимая газета, №278 (7185), 20 декабря 2017 г., с. 1, 4. Также см. Константин Ремчуков, От редактора, Независимая газета, №285

(7192), 28 декабря 2017 г., с. 1.

21. «... на пороге 2018 года картина Европы весьма прискорбна», суммируют авторы Независимой газеты. Можно было бы добавить: и Америки – Итоги 2017 года. В мире. Германия осталась без правительства. В ФРГ установлен рекорд по срокам формирования кабинета министров, Независимая газета, №285 (7192), 28 декабря 2017 г., с. 6.

22. America's forever wars (Editorial), The New York Times International Edition, October 24, 2017, p. 10.

23. Итоги 2017 года. Войны и армии. Северная Корея вторглась в клуб ядерных держав. КНДР получила возможность нанести атомный удар по любой точке на территории США, Независимая газета, №285 (7192), 28 декабря 2017 г., с. 10.

24. Которые, как указывается в ежегодном индексе агентства Bloomberg «Billionaires Index», вновь существенно увеличились – Тарас Фомченков, Богатые не плачут. Рейтинг: Миллиардеры мира увеличили свои состояния на 1 триллион долларов, российские толстосумы тоже не обеднели, Российская газета, №297 (7463), 29 декабря 2017 г., с. 5.

25. Которая еще вчера не только казалась, но и во многом оставалась финансовой и политической авантюрой, а сегодня во все большей мере считается обычным, нормальным коммерческим проектом, который должен быть финансово оправданным и приносить прибыль – Ed Crooks, US shale investors tire of growth at any cost. Sentiment shifts with interest focused on measures of success such as returns on capital and cash generation, Financial Times, October 24, 2017, p. 15.

26. Как подчеркивается в коротком изящном обращении к читателям по итогам 2017 года главреда журнала «Россия в глобальной политике» Федора Лукьянова, Дональд Трамп – это «не удивительная абберрация, но знак фундаментальных перемен» – Федор Лукьянов, С Новым годом, дорогие читатели! Вот мы и перешагиваем очередной порог, сайт журнала «Россия в глобальной политике» www.globalaffairs.ru, 29 декабря 2017 г.

27. Jane Perlez, Paul Mozur, Jonathan Ansfield, Upending world trade order. China's hunt for tech from abroad brings calls for rethinking the rules, The New York Times International Edition, November 9, 2017, p. 7-8.

28. Владимир Скосырев, США не пустили Китай на свой рынок телекоммуникаций, Независимая газета, №2 (7194), 11 января 2017 г., с. 7

29. Рихард Хилмер, Соединенные Штаты Европы? Социолог Рихард Хилмер о том, стоит ли поддерживать процесс евроинтеграции, IPG – Международная политика и общество, 27 декабря 2017 г.

30. Как, например, авианосец нового поколения «Джеральд Р. Форд» CVN78, принятый в состав ВМС США 31 мая 2017 г. – Итоги 2017 года. Войны и армии. Американские ВМС получили авианосец нового поколения, Независимая газета, №285 (7192), 28 декабря 2017 г., с. 10.

31. Сергей Караганов, Новая эпоха противостояния (4), сайт журнала «Россия в глобальной политике» www.globalaffairs.ru, 8 декабря 2017 г.

32. Gail Collins, Trump's totally terrible time, The New York Times International Edition, November 10, 2017, p. 11.

33. Mr. Trump, we are better than that (Editorial), The New York Times International Edition, November 10, 2017, p. 10.

34. См., например: Anthony Zurcher, Donald Trump faces tough January tests, BBC News, January 3, 2018.

35. По словам президента ГК Simple, приводимым на страницах предновогоднего номера

газеты Коммерсантъ, «В феврале нас ждет второй пакет американских санкций. Кроме того, президент США Дональд Трамп проводит реформу налоговой системы, что может привести к серьезным сдвигам в глобальной экономике. Америка может сделать такой рывок, который точно будет иметь влияние на весь мир, включая Россию. Вот эти два фактора – налоговая реформа и санкции – будут ключевыми для определения внешнего воздействия на нашу действительность». – Максим Каширин, Нам нужен другой инвестиционный климат, Коммерсантъ, №244, 29 декабря 2017 г., с. 24. Это мнение разделяют и многие другие авторы, в частности пишущие для Независимой газеты – Ольга Соловьева, «Ракетное топливо» Трампа может подпалить рубль. Репатриация долларов и рост нефтедобычи в Штатах не сулят РФ ничего хорошего, Независимая газета, №284 (7191), 27 декабря 2017 г., с. 1-2.

36. Анастасия Башкатова, Налоговая реформа Трампа напугала европейцев, Независимая газета, 14 декабря 2017 г., с. 4.

37. Виктория Журавлева, Американская политика – это больше, чем бизнес. Почему у Трампа не получилось управлять США как корпорацией, Независимая газета, НГ Дипкуррьер, №18 (290), 27 ноября 2017 г., с. 9-10.

38. Paul Krugman, On feeling thankful but fearful, New York Times International Edition, November 25-26, 2017, p. 13.

39. John Authers, Trump has rocked the boat, but for markets he has done no harm, Financial Times, November 9, 2017, p. 20.

40. Некоторые из этих моментов особенно рельефно оттеняются российскими аналитиками, как, например, в – Николай Работяжев, Почему в России не получился капитализм? 25 лет назад начались радикальные рыночные реформы, Независимая газета, 14 декабря 2017 г., с.5.

41. Самую емкую формулу, подводя итоги 2017 года, использовала редакция газеты «Известия»: «Россия доказала...» – Мир 2017, Покой Ближнему Востоку только снится, Известия, 29 декабря 2017 г., с. 6.

42. То, насколько успешно и сколь многообразные цели достигла операция российских ВКС в Сирии, можно прочесть, в том числе, на сайте британской общенациональной общественной телерадиовещательной организации Би-Би-Си – Steven Rosenberg, Syria war: Putin's Russian mission accomplished, BBC News, December 13, 2017, <http://www.bbc.com/news/world-europe-42330551>

43. Марк Энтин, Екатерина Энтина, Боги сновидений, или как мечту о Большой Евразии превратить в конкретный геополитический проект, Вся Европа.ru, 2017, №1 (117), <http://alleuropa.ru/?p=14211> Также см. Марк Энтин, Екатерина Энтина, В поддержку геополитического проекта Большой Евразии, Вся Европа.ru, 2016, №6 (111), <http://alleuropa.ru/?p=13361>; Марк Энтин, Екатерина Энтина, Всеобъемлющее Большое Евразийское партнерство: уход от реальности или возвращение к ней. Вся Европа.ru, 2016, №11 (115), <http://alleuropa.ru/?p=13969>; Mark Entin, Ekaterina Entina, The New Role of Russia in the Greater Eurasia, Strategic Analysis, 2016, Т. 40, №6, p. 590-604; Mark Entin, Ekaterina Entina, Russia's Role in Promoting Great Eurasia Geopolitical Project, Rivista di studi politici internazionali, Firenze, 2016, №3, p. 331-352.

44. Сергей Караганов, Игорь Макаров, Российский поворот на Восток, сайт журнала «Россия в глобальной политике» www.globalaffairs.ru, 27 декабря 2017 г.

45. Сергей Караганов, От поворота на Восток к Большой Евразии, С. Караганов, Персональный сайт, Публикации, 31 мая 2017 г., <http://karaganov.ru/publications/452>; <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1847> или

<http://www.globalaffairs.ru/pubcol/Ot-povorota-na-Vostok-k-Bolshoi-Evrazii-18739>; К Великому океану - 4: Поворот на Восток. Предварительные итоги и новые задачи. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2 июня.2016 г., <http://ru.valdaiclub.com/a/reports/k-velikomu-okeanu-4-povorot-na-vostok/>

46. Владимир Полканов, Эпоха атомного ренессанса. Специалисты отрасли могут подвести итоги десятилетней работы после организационной реформы, Независимая газета, №262-263 (7169-7170), 1-2 декабря 2017 г., с. 4.

47. Некоторые моменты из этого списка расшифровываются в итоговом выпуске газеты «Известия» за 2017 г., редакция которой кратко суммирует: «В Европе... в уходящем году добавились новые кризисы» - Мир 2017. Европа: год упущенных возможностей, Известия, 29 декабря 2017 г., с. 7.

48. Как следует из регулярных экономических обзоров Европейской комиссии - Tim Wallace, UK economy to lag booming eurozone, says commission, The Daily Telegraph, №50,535, November 10, 2017, p. 3.

49. О том, что это мнение не только «верхов», свидетельствуют результаты опроса исследовательского центра OBR, «согласно которому 66% респондентов признались, что не поддерживают политику Мэй по Брекзиту. О доверии к подходу правительства на этом направлении заявили лишь 34%. Около 47% британцев также не верят, что Мей сможет получить от ЕС сделку, которая окажется выгодной для всей страны. О том, что премьер-министру под силу такая задача, заявили лишь 26% опрошенных граждан». Приводится по - Евгений Пудовкин, Британия возвращает себе торговый суверенитет. Лондон делает первые шаги на пути к самостоятельности, Независимая газета, №242 (7149), 8 ноября 2017 г., с. 6.

50. Philip Stephens, Brexit has broken British politics, Financial Times, November 10, 2017, p. 11.

51. Рихард Хилмер, Соединенные Штаты Европы? Социолог Рихард Хилмер о том, стоит ли поддерживать процесс евроинтеграции, IPG - Международная политика и общество, 27 декабря 2017 г.

52. Его подробнейший доброжелательный анализ см. Марк Энтин, Екатерина Энтина, Завидная... стагнация, сайт РСМД, 18 октября 2016 г., http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=8239#top-content

53. Евгений Пудовкин, К федеративной Европе не готовы ни элиты, ни рядовые граждане. Евросоюз будет развиваться по консервативному сценарию, Независимая газета, №271 (7178), 12 декабря 2017 г., с. 1, 7.

54. Предполагается, что на его основе «возникнет объединение, охватывающее 600 млн. человек и 30% мирового ВВП» - Владимир Скосырев, Абэ и Юнкер бросили камешек в Трампа. Япония и Евросоюз создают гигантскую экономическую зону, Независимая газета, №270 (7177), 11 декабря 2017 г., с. 1-2.

55. Eurozone's fortunes turn on further reform steps (Editorial), Financial Times, November 10, 2017, p. 10.

56. По ней и МВФ, и ЕЦБ, и свой собственный ЦБ дружно снизили прогнозы на 2018-2019 годы - Jim Brunsten, Mehreen Khan, UK growth to trail most of EU, says Brussels, Financial Times, November 10, 2017, p. 4.

57. Их взвешенный, комплексный, профессиональный анализ дается в - Ольга Потемкина, Европейские «козлы отпущения». ЕС подводит итоги управления миграционным кризисом и объявляет о новых инициативах, Независимая газета, НГ Дипкуррьер, №16 (288), 30 октября 2017 г., с. 10.

58. Анатолий Громыко, Умерла ли «европейская мечта», Независимая газета, НГ Дипкурьер, 13 ноября 2017 г., с. 1-2.
59. Первую из которых он торжественно открыл на Джибути 1 августа 2017 года, взяв тем самым под контроль, как утверждается, выход из Красного моря в Индийский океан, связывающий между собой тихоокеанский, индокитайский, индонезийский и австралийский производственные кластеры с Средиземноморьем и европейским потребительским рынком. – Итоги 2017 года. Войны и армии. Пекни открыл свою первую военную базу за рубежом, Независимая газета, №285 (7192), 28 декабря 2017 г., с. 10.
60. Включая, прежде всего, не только наиболее известную – «Один пояс и один путь», но и самые последние, связанные с созданием «сообщества единой судьбы человечества» и «преобразованием системы глобального управления», о которых обстоятельно говорится во внешнеполитическом разделе доклада Генерального секретаря ЦК Си Цзиньпина на XIX съезде Компартии Китая – Независимая газета, №282 (7189), НГ Дипкурьер, 25 декабря 2017 г., с. 9-10.
61. Jane Perlez, Paul Mozur, Jonathan Ansfield, Upending world trade order. China's hunt for tech from abroad brings calls for rethinking the rules, The New York Times International Edition, November 9, 2017, p. 7-8.
62. Александр Ломанов, Транзит без пункта назначения, сайт журнала «Россия в глобальной политике» www.globalaffairs.ru, 8 декабря 2017 г.
63. Kevin Rudd, Xi's power shapes confident China's long-term strategy, Financial Times, October 23, 2017, p. 11.
64. В целом, как пишут российские эксперты, подводя итоги 2017 года на страницах газеты «Коммерсантъ», «что же касается отношений с Китаем, то они весь 2017 год развивались позитивно и стабильно» – Михаил Коростиков, С чувством глубокого Востока, Коммерсантъ, №244 (6238), 29 декабря 2017 г., с. 11.
65. О чем обстоятельно говорили на IV-м Юридическом форуме БРИКС (<http://brics-legal.com/>) и VII-м конгрессе сравнительного правоведения (<http://www.izak.ru/institute/announcements/vii-mezhdunarodnyy-kongress-sravnitelnogo-pravovedeniya-natsionalnoe-i-universalnoe-v-prave-ot-tradi/>).
66. Что подтверждает элементарная статистика. Как следует из нового доклада американской исследовательской компании Pew Research Center «Рост мусульманского населения в Европе», широко цитируемого информационными агентствами, за период с 2010 по 2016 годы оно выросло с 19,5 до 25,77 млн. человек, за счет только естественного прироста этой части населения к 2050 году увеличится до 35,77 млн., если же миграция будет набирать силу, подскочит до 57,88 (средний сценарий) или даже 75,55 млн. человек (высокий уровень миграции) при параллельном уменьшении числа христиан – Мусульман в ЕС к 2050 году может стать в три раза больше, <http://www.interfax-religion.ru/islam/?act=news&div=68749>
67. Игорь Субботин, Афганистан держит Центральную Азию в напряжении. Исход джихадистов из Сирии и Ирака дает РФ пространство для геополитических маневров, Независимая газета, №282 (7189), 25 декабря 2017 г., с. 1, 6,
68. Энтин М.Л., Энтина Е.Г. В поисках партнерских отношений: Россия и Европейский Союз в 2015-2016 годах – VI: Научная монография. М.: «Зебра-Е», 2017. 816 с.
69. Причем, как повторяет слова спикера Совета Федерации Валентины Матвеевко редакция Независимой газеты, «российские IT-компании в некоторых областях занимают передовые позиции в мире, у РФ есть все возможности стать одним из глобальных цифровых лидеров» – От

- редакции: Цифровые технологии могут споткнуться о госрегулирование, Независимая газета, №278 (7185), 20 декабря 2017 г., с. 2.
70. В изложении главного редактора Независимой газеты Константина Ремчукова, «Путин вдруг «заболел» цифровой экономикой» – Константин Ремчуков, От редактора, Независимая газета, №285 (7192), 28 декабря 2017 г., с. 1.
71. Melanie Phillips, Communism is every bit as evil as fascism, The Times, October 24, №72362, 2017, p. 26.
72. В том числе отражающих интересы тех политических сил во Франции, которые в принципе относятся к тому же политическому спектру, что и она – Editorial par Patrick Saint-Paul, Les fantômes du Reichstag, Le Figaro, №22769, 24 octobre 2017, p. 1; Nicolas Barotte, En Thuringe, les populistes de l’Afd ont réveillé les déçus de la politique, Le Figaro, №22769, 24 octobre 2017, p. 3; Nicolas Barotte, Merkel face au réveil de l’extrême droite, Le Figaro, №22769, 24 octobre 2017, p. 2-3; Nicolas Barotte, Pour la première fois depuis la guerre, un tabou se brise au Bundestag, Le Figaro, №22769, 24 octobre 2017, p. 2.
73. Raphael Minder, In Spain, mistakes and plenty of blame. Catalan separatists flouted Constitution, but Madrid has also fueled the conflict, The New York Times International Edition, October 2017, p. 1, 4.
74. Когда даже робкие попытки солидных изданий, как, например, журнала «Геродот», посвятившего сдвоенный номер статьям по геополитике России (Géopolitique de la Russie, «Hérodote», revue de géographie et de géopolitique, №166-167, 3-e et 4-e trimestres 2017, 291 p., 24 euros), отойти от односторонности встречаются в штыки, а отдельные якобы несознательные авторы «получают выволочку» – GA.M. L’illusoire « soft power» russe. La revue, Le Monde, 24 octobre 2017, p. 22.
75. Даже тогда, когда ее анализируют так осторожно и осмотрительно, как на страницах Файнэншл Таймс, акцентируя лишь «идеологический, экономический и геополитический вызов» Западу со стороны Поднебесной – Gideon Rachman, China’s bold challenge to the west, Financial times, October 24, 2017, p.11.
76. Придумывать любые обвинения в адрес российских хакеров, спонсоров и Москвы в целом стало за последнее время общим местом. Достаточно полный перечень всех этих надуманных обвинений приводится в итоговом выпуске Независимой газеты за 2017 год – Итоги 2017 года. Москву обвинили во вмешательстве в дела других стран, Независимая газета, №285 (7192), 28 декабря 2017 г., с. 1, 2.
77. Business must help fix the failures of capitalism (Editorial), Financial Times, №72362, October 24, 2017, p. 10.
78. Mark Entin, Ekaterina Entina, Russia and China protecting the contemporary world order, Rivista di studi politici internazionali, Firenze, 2016, №4, p. 492-539; Марк Энтин, Краеугольные основы послевоенного мироустройства и современного международного права: взгляд из Москвы и Пекина, Московский журнал международного права, 2016, №3 (103), с. 19-30.
79. Марк Энтин, Международное право в эпоху перемен, Современное международное право: глобализация и интеграция: LIBER AMICORUM в честь профессора П.Н.Бирюкова: сборник научных статей; Воронежский государственный университет. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2016. – С. 216-237.
80. Если вас заинтересует, сравните критическую статью одного из ведущих мировых комментаторов Томаса Л. Фридмана начала ноября 2017 г. (больше похожую на то, что писали его коллеги в то время – Thomas W. Lippman, The demise of stability, Saudi-style, The New York

Times International Edition, November 10, 2017, p. 1, 11) с тем панегириком революционным изменениям и «саудовской весне», который он опубликовал, проведя некоторое время в Саудовской Аравии: Thomas L. Friedman, Attention: Saudi prince in a hurry, The New York Times International Edition, November 9, 2017, p. 11; Thomas L. Friedman, Saudi Arabia's Arab Spring, at last, The New York Times International Edition, November 25-26, 2017, p. 11, 13.

81. Farhad Manjoo, Reality TV, as produced in U.S. by Russia, The New York Times International Edition, November 10, 2017, p. 7.

82. Все нюансы этой кампании воочию наблюдали, работая в 2012-2016 годах во главе посольства Российской Федерации в Люксембурге, и постарались максимально достоверно изложить в подготовленной за это время двухтомной монографии – Энтин М.Л., Энтина Е.Г. Россия и Европейский Союз в 2011-2014 годах: В поисках партнерских отношений – V. Том 1, Том 2. М.: Эксмо, 2015. 864 с., 752 с.

83. Steven Swinford, May dares rebels to defy her on Brexit, The Daily Telegraph, №50,535, November 10, 2017, p. 4.

84. Sam Coates, Bruno Waterfield, I didn't drop May in soup, says 'monster' of Brussels, The Times, №72362, October 24, 2017, p. 8-9.

85. David Charter, Bruno Waterfield, Sam Coates, Merkel left "furious" by Brexit leaks against May. German chancellor fears government's collapse, The Times, №72362, October 24, 2017, p. 1, 8.

86. Rachel Sylvester, Westminster's hall of mirrors is about to shatter. While voters demand more honesty in politics, leading Tory and Labour MPs argue the opposite of what they believe, The Times, №72362, October 24, 2017, p. 25.